

The background is a dark, almost black, space filled with a complex network of thin, glowing orange and yellow lines. These lines radiate from a central, bright, fiery orange and yellow point, creating a starburst or explosion-like effect. The lines vary in thickness and intensity, some appearing as sharp, straight beams while others are more diffuse and wispy. The overall impression is one of intense energy and a futuristic or scientific aesthetic.

Евгений Горохов

Гордиев узел

Евгений Горохов Гордиев узел

<https://litres.ru/73997423>

SelfPub; 2026

Аннотация

В начале XX века француз Пьер Лоик де Лобель активно продвигал идею строительства железной дороги Париж – Нью-Йорк через русский Дальний Восток. За его спиной стоял американский финансовый магнат Морган. Он не верил в этот проект, но магнат знал, что дальневосточные земли плохо связаны с центральной частью России. С помощью франко-американской концессии Морган рассчитывал отторгнуть Дальний Восток от России. Сам того не желая, петербургский сыщик Износков помешал планам американского магната.

Содержание

1. Джон Пирпонт Морган.	5
2. Абрам Животовский. «Тот кумир – телец
златой».	17
3. Мераб Иоселиани. «Бродяга судьбу
проклиная».	32
4. Великий князь Николай Николаевич. «Избави
нас от Лукавого».	41
5. Аркадий Износков. «Он был титулярный
советник. Она – генеральская дочь».	46
6. Аркадий Износков. «Питер – дивная столица.
Я осмелюсь доложить. Распотешить мастерица, и
карман распотрошить».	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евгений Горохов

Гордиев узел

Гордиев узел.

В мире людей и корыстных идей,

Вбитых в умы в виде ржавых гвоздей.

Тесно запутаны зло и добро,

В *гордиев узел* сплетены хитро.

Олег Аверочкин стихотворение «Гордиев узел».

1. Джон Пирпонт Морган.

«Дойти до горизонта».

Тучи, сгустившиеся над Нью-Йорком к утру пролились дождём, прибив пыль на мостовой. В шесть часов утра город ожил, наполняясь звуками. Загудели пароходы в заливе, на улицах слышны цокот лошадиных копыт и дребезжание трамвайных вагонов. В семь часов закипела жизнь в рабочих кварталах. Спешат к станкам ткачи в Сохо. Пронзительно завизжали пилорамы на складах строительных материалов в Статен-Айленде. Глухо бухают пневмопрессы на заводах в Квинсе.

После восьми часов утра заполняется людьми маленькая Уолт-стрит, зажатая между фешенебельным Бродвеем и набережной Ист-Ривер. Клерки спешат в банки, биржевые брокеры подъезжают на кэбах к зданию Нью-йоркской фондовой биржи. На этой улочке сконцентрирована основная часть финансовой деятельности Соединённых Штатов. Здесь находятся офисы крупнейших американских банков.

На южной оконечности улицы в месте слияния Уолт-стрит и Брод-стрит недавно построили семиэтажное здание в форме трапеции. Горожане прозвали его: «Угол» — это центральное отделение банка «Джи. Пи. Морган и компаньоны».

Уолт-стрит словно каньон, только вместо крутых горных

склонов, взмывают ввысь небоскрёбы. На улице нет киосков с прессой. Этим пользуется восьмилетний Лукас Харли, продающий газеты спешащим на работу клеркам и брокерам. Около девяти часов утра он перемещается к «Углу». В это время на новеньком лакированном автомобиле «Кадиллак» подъезжает хозяин банка Джон Пирпонт Морган.

- Какие сегодня новости мистер Харли? – как обычно интересуется банкир.

- Крушение железнодорожного пассажирского поезда, - мальчик разворачивает газету. Он протягивает её Моргану:
- Взгляните сэр.

Банкир берёт газету и читает передовицу:

«11 сентября 1905 года сошёл с рельсов пассажирский железнодорожный состав на Девятой авеню в Манхэттене. Это самая страшная железнодорожная катастрофа на наземных железных дорогах Нью-Йорка, в которой погибло тринадцать человек».

- Что вы об этом думаете, мистер Харли? – он сворачивает газету.

- Вероятно, сильно упадут котировки акции железнодорожных компаний, сэр.

- Вынужден с вами согласиться, - вздыхает банкир и достаёт долларовую банкноту. Он протягивает её мальчику: - Так же я думаю, что вам пора на уроки. Если вы не хотите всю жизнь торговать газетами на улице.

- Я учусь в Школе рабочего класса на Манхэттене. Там за-

нятия начинаются в десять часов, - мальчик спрятал деньги в карман штанов.

- Однако вам нужно поспешить мистер Харли, - Морган достал из кармана жилетки десятицентовую монету. — Это вам на трамвай.

- Вы очень добры сэръ, - Лукас приподнял кепку. Мальчик говорит эти слова искренне. Пожалуй, он единственный обитатель Уолт-стрит, кто считает Джона Моргана добрым человеком. Корсар – так за глаза называют этого престарелого джентльмена с огромной лиловой бородавкой на левой щеке. За хищный нрав его ненавидят и боятся все промышленники и банкиры США. Многим Корсар поломал жизнь, и они пускали себе пулю в висок. Всё это мало трогало Джона Пирпонта Моргана, ибо его представления о добре и зле сводились к финансовой выгоде.

Поговорив с мальчиком, Морган задумался о том, как использовать падение акций компании «Быстрого транспорта Интерборо» - монополиста железных дорог Манхэттена. Войдя в операционный зал своего банка расположенного на первом этаже, он решил, что ослабление позиций манхэттенской железнодорожной компании ему ничего не даст, и перестал размышлять об этом. Кабинеты членов совета директоров банка находились на последнем этаже здания. Поднявшись туда на лифте, Морган выслушал доклад секретаря о входящей корреспонденции.

- Пять минут назад звонил русский банкир Абрам Живо-

товский, - закончил свою речь секретарь. Взглянул в записную книжку, продолжил: - Он остановился в отеле «Астор» на Таймс-сквер. Просил передать, что приехал рассказать о проекте Лоик де Лобеля.

- Позвоните в «Астор», сообщите Животовскому, что я жду его у себя в десять часов, - Морган вошёл в свой кабинет - Слушаюсь сэр, - бросил ему в след секретарь.

Парижский галантерейщик Пьер Лоик, женившись на разорившейся аристократке Жюли де Лобель, для солидности взял двойную фамилию – Лоик де Лобель. Сколотив капитал на торговле галстуками и перчатками, он смог осуществить свою давнюю мечту – путешествия. Однако Лоик де Лобеля не прельщали живописные склоны швейцарских Альп или тёплое Лигурийское побережье. Его манили места с суровым климатом. Он посетил Аляску, Канаду и Сибирь.

Вернувшись во Францию, Пьер Лоик де Лобель выступил с лекцией в Географическом обществе, предложив построить железную дорогу Париж – Нью-Йорк транзитом через Сибирь и Дальний Восток. В 1902 году Джон Морган полгода жил в Европе, он посетил лекцию Лоик де Лобеля. Ему понравилась идея бывшего галантерейщика. Джон Морган не фантазёр и прекрасно понимал, что проект межконтинентальной железной дороги пока технически не реализуем. В этой идее его заинтересовало другое.

В Российской империи территория Дальнего Востока практически не освоена. Край этот богат лесом и полезными

ископаемыми. Если увлечь русское правительство проектом Лоик де Лобеля, можно взять в концессию земли на Камчатке и Чукотке. Там найдётся много сырья для американской промышленности. Освоив эти земли, следует отторгнуть их у России. Придя к таким выводам, Морган дал денег Лоик де Лобелю и предложил ему ехать в Петербург, пропагандировать свой проект.

Однако как не красноречив галантейщик, без поддержки высоких чиновников он ничего не добьётся. Нужен человек, хорошо знающий российскую действительность, вхожий в кабинеты высоких сановников. Найти его помог Джейкоб Шиф - младший партнёр банка «Кун, Лёб и компаньоны». В молодости Шиф начинал карьеру брокером в банке Ротшильдов во Франкфурт-на-Майне. Потом перебрался в Нью-Йорк, где удачно женился на Терезе Лёб. Тесть ввёл Джейкоба в правление своего банка. У Шифа были тесные связи с банкирами-евреями по всей Европе. Он познакомил Моргану с петербургским финансистом Абрамом Животовским. Ему Джон Морган доверил опекать Пьера Лоик де Лобеля. Теперь Животовский приехал с докладом, о том, как обстоят дела.

- Мистер Рокфеллер интересуется, сможете ли вы принять его? – секретарь нарушил ход мыслей Моргану.

- Зови, - кивнул банкир.

В кабинет вошёл высокий сухопарый джентльмен лет пятидесяти с пышными пшеничными усами.

- Добрый день Джон, вас не сильно помяли в вагоне метро, пока вы добирались сюда? – улыбнулся Морган, протягивая руку своему посетителю.

Особняк банкира и промышленного магната Джона Рокфеллера находился на 54-й улице, а офис на Бродвее. Каждый день он добирался на работу в вагоне метро, чем гордится, заявляя о своей близости к народу.

- Присаживайтесь Джон, - Морган указал рукой на кресло, стоящее в углу кабинета. Он взял в руки хьюмидор¹ из испанского кедра: - Хотите сигару? Или может быть глоточек виски?

Джон Рокфеллер не курил и не употреблял спиртного. Однако Морган всегда предлагал ему сигару или виски. Корсару доставляло удовольствие лицезреть недовольную физиономию Рокфеллера.

- Я получил известия из Монтаны, Хайнц собрался продать свои медные шахты, - усевшись в кресло, Рокфеллер сцепил длинные пальцы.

- До меня дошли эти вести, - Морган разместился в соседнем кресле.

- Откуда?! – встрепенулся гость. В голове Рокфеллера закопошились нехорошие мысли.

Фриц Хайнц занимался добычей меди в штате Монтана. Его конкурентом являлась компания «Медь Анаконды» принадлежащая Рокфеллеру. 25% акций его фирмы принад-

¹ Хьюмидор - ящик для хранения сигар.

лежали главе французской ветви Ротшильдов – Альфонсу Джеймсу де Ротшильду, стремившемуся взять под контроль всю мировую добычу меди. Пять лет назад Джон Морган познакомил Альфонса с Фиби Херст, вдовой Джорджа Херста. Ротшильд выкупил у неё пакет акций компании «Медь Анаконды». Если этот француз приобретёт ещё шахты Хайнца, то Рокфеллеру будет совсем худо в медном бизнесе.

- Джон, у вас нет причин для тревог, - Морган посмотрел в глаза Рокфеллеру.

«Он слишком недоверчив, - усмехнулся Корсар. – Папашина работа».

Родители Джона Рокфеллера были полной противоположностью друг другу. Элиза в девичестве Дэвисон из семьи баптистов, благочестивая и набожная. Она учила шестерых детей быть экономными.

«Будь бережлив и копи деньги», - таково было её жизненное кредо. Супруг лесоруб Уильям Рокфеллер полная противоположность жене: транжира и мот.

«Один раз живём, бери от жизни всё что сможешь», - часто повторял он. Уильям тратил деньги на выпивку и женщин. Одна из его любовниц, заявила шерифу об изнасиловании, и распутный лесоруб угодил в тюрьму. Тесть внёс за него залог в тысячу долларов. Уильям не дожидаясь суда, сбежал в Канаду. Там он взял имя - Билл Ливингстон, выдавал себя за доктора медицины. Он занялся торговлей «змеиным маслом», которое изготавливал из нефтяного дистил-

лята и вазелина. Уверял простаков, что его лекарство лечит от подагры, геморроя, ревматизма и облысения. Залоговые деньги, пропавшие из-за его бегства, Уильям тестю так и не вернул. Тысяча долларов большая сумма!

Уильям Рокфеллер женился в Канаде, не разведясь с первой женой. Изредка навещал свою бывшую семью в штате Нью-Йорк. Хотя он не помогал детям, они любили своего непутёвого папашу.

Джон был первенцем в семействе Рокфеллеров. Живя по заветам матери, он с шести лет копил деньги, выращивая кроликов на продажу. Однажды отец попросил у сына в долг пять долларов. Джон хранил свой капитал в курятнике, в его «банке» было сто долларов. Он дал деньги отцу, в это время его позвала мать. Джон ушёл в дом, а когда вернулся в курятник, отца уже не было. Исчезли и деньги. Вместо долларов лежала записка: «Это тебе сынок урок на всю жизнь – не доверяй никому».

- Вам нечего опасаться Джон, - повторил Морган. Он встал, налил себе глоток газированной воды из сифона: – Свою фирму Франц Хайнц продаст вашей «Медь Анаконда», других покупателей у него не будет.

- Хотелось бы надеяться, - кивнул Рокфеллер.

- Фриц человек азартный. Он верит в свою удачу, и порой делает рискованные шаги. Авантюрный характер Хайнца должен послужить нашему делу, - улыбнулся Корсар.

- Вы говорите о создании частного центрального банка?

- Да, - Морган поставил пустой стакан на журнальный столик.

Три года назад вернувшись из Европы, Джон Морган собрал в своём особняке крупнейших финансистов США.

- Господа, однажды Натан Ротшильд высказал умную мысль: «Кто контролирует выпуск денег, тот контролирует правительство». Нам следует прислушаться к этому совету, и создать частный акционерный банк, который будет печатать доллары, - начал свою речь Корсар.

- В восьмой части первой статьи Конституции Соединённых Штатов указано, что только Конгресс имеет право чеканить монету, - прошамкал старик Маркус Голдман.

- Мы наймём лучших юристов, и они придумают способ обойти эту преграду, - махнул рукой Морган. – Пока же нам следует озаботиться общественным мнением. Люди во всём послушны своим лидерам. Значит, нам следует внушить этим лидерам такие идеи, которые заставят людей расходовать свою энергию в борьбе за вопросы, которые для нас не имеют никакого значения. Когда людское стадо будет целиком увлечено этой борьбой, мы сможем решать свои дела.

- Когда настанет это время, - Самуэль Сакс протёр платком пенсне.

- Оно не придёт само, его нужно готовить! – покачал головой Морган. – Господа, чтобы публика не заподозрила нас в сговоре, предлагаю больше не собираться в таком составе. Связь будем осуществлять через мистера Рокфеллера.

С момента той встречи минуло три года, отбыл в мир иной Маркус Голдман, а дело создания частного центрального банка не двигалось с места. Главным противником этой идеи был президент США Теодор Рузвельт. Но президенты приходят и уходят, а интересы крупного финансового капитала остаются неизменными.

- Нужен кризис банковской системы, который внушит людям необходимость создания центрального банка, - Морган вытер губы носовым платком.

- Кризис, как стихийное бедствие, он не зависит от нашей воли, - вздохнул Рокфеллер.

- Не всегда, - покачал головой Морган. Он махнул рукой: - Этот вопрос требует длительной проработки, и касаться сейчас мы его не будем. Хочу поговорить про другое. В Нью-Йорк приехал Абрам Животовский. Он доложит нам о ходе проекта Лоик де Лобеля.

Джон Рокфеллер был в курсе затеи Моргана и не одобрял её.

- Мне кажется, вы напрасно распыляете свои силы, - покачал он головой. - Любой здравомыслящий человек поймёт, что проект Лоик де Лобеля, утопия.

- Речь идёт не о здравомыслящих людях, коих очень мало, а о публике, - Морган достал из кармана жилетки часы. - Она читает заголовки газет и всё! Если в них написано, что начнётся строительство железной дороги Нью-Йорк - Париж, публика взвывает от восторга. Я веду речь исключи-

тельно о русской публике. Впрочем, люди везде одинаковы. Мы же под видом концессии для строительства железной дороги получим Чукотку и Камчатку. Русско-японская война показала слабость России на Дальнем Востоке. Постепенно мы сможем отобрать у русских эти земли, и начнём экспансию на весь Дальний Восток.

- Вы фантазёр! – усмехнулся Рокфеллер.

- Джон, учитеесь смотреть за горизонт, это под силу только великим умам! Заглянув туда, обязательно дойдите до горизонта, и перед вами откроются новые перспективы! - вдохновенную речь Корсара прервал вошедший в кабинет секретарь.

- Мистер Животовский ожидает в приёмной, - доложил он.

- Пусть войдёт, - кивнул Морган.

Рокфеллер, разглядывая Абрама Животовского, подумал, что русский банкир, вероятно, служил натурщиком для рекламного плаката в парикмахерской, расположенной в здании универмага Джона Ванамейкера на углу Бродвея и 10-й улицы. Как на плакате у него щегольски закрученные усы и набриолиненные волосы с идеальным пробором посередине. К тому же от него исходил резкий цветочный запах одеколona, сильно раздражавший Рокфеллера. Занятый своими наблюдениями, он не сразу вник, о чём ведёт речь Животовский. Тот говорил по-английски с сильным немецким акцентом, заглушая согласные в конце слов и не делая пауз меж-

ду словами. Рокфеллеру пришлось поднапрячься, чтобы понять его речь.

- Месьё Лоик де Лобель оказался неплохим оратором, и смог зажечь русскую публику, - Абрам Животовский поправил манжет сорочки. Щелчком пальцев он сбил пылинку с рукава пиджака: - Наш проект воодушевил великого князя Николай Николаевича, это дядя императора Николая II. Также идея увлекла председателя Государственного совета статс-секретаря Эдуарда Фриша.

- Как я вас понял мистер Животовский, наше дело наладилось, - улыбнулся Морган.

- Не совсем, - вздохнул русский банкир.- Против проекта выступили председатель Совета министров Витте и бывший губернатор Приморской области Унтербергер. К сожалению, наш император находится под их влиянием.

- Мистер Животовский, в случае успеха нашего предприятия, вы получите трёхпроцентный пакет акций Нью-Йоркского городского банка. Это несколько миллионов долларов. Я думаю за такую ставку, вам следует побороться. Примите самые кардинальные меры, для продвижения проекта, - Морган встал.

- Сделаю всё возможное, - вскочил со своего места Абрам Животовский.

2. Абрам Животовский. «Тот кумир – телец золотой».

Мрачен Петербург в октябре! Печальное небо ежедневно проливается дождём, словно оплакивает ушедшее лето. Темнеют закованные в бетон Нева, Фонтанка и Мойка. Каменные дома, мокрые из-за непогоды, тоже не радуют глаз. Но сидя в тёплой комнате, и выпив рюмку коньяка, вся эта осенняя скорбь, не трогает сердце. Конечно, если вы сударь не поэт.

Абрам Лейбович Животовский не поклонник музыки Эвтерты.² Не стал он долго созерцать мокрую мостовую набережной Фонтанки, и задвинул штору на окне. Сел за письменный стол, взял чистый лист бумаги. Обмакнув перо в чернильницу, он составил список:

«Витте Сергей Юльевич
Унтербергер Павел Фёдорович
Мин Георгий Александрович
Коковцев Владимир Николаевич
Тимирязев Василий Иванович».

Всё это сановники, выступающие против проекта Лоик де

² Муза Эвтерга – в древнегреческой мифологии, покровительница лирической поэзии. Музы – божества, покровительницы поэзии. Они дочери Зевса и богини памяти Мнемосины.

Лобеля. Положив ручку, Животовский задумался.

Сергей Юльевич Витте - председатель Совета министров правительства Российской империи. Он был в фаворе ещё у Александра III, отца нынешнего императора. В милость к монарху он вошёл весной 1881 года, когда после убийства народовольцами Александра II, выдвинул план ликвидации революционеров, укрывшихся за границей. Его идею поддержал генерал-майор Ростислав Фадеев. Он представил Сергея Юльевича новому самодержцу Александру III. Царь одобрил создание организации под названием «Священная дружина», которая возьмёт на себя труд покарать скрывшихся за границей карбонариев. В неё вошли князь Илларион Воронцов-Дашков, граф Пётр Шувалов, промышленник Павел Демидов, камергер двора Его величества Александр Щербатов и другие сановники. Собирались на Галерной набережной в особняке Воронцова-Дашкова. Много пили и болтали, в этом заключалась вся деятельность «Священной дружины». Лишь Сергей Витте всерьёз занялся изучением вопроса. Из протоколов допросов арестованных революционеров и доносов негласных агентов полиции он установил: все бунтовщики состояли в партии «Земля и воля», созданной в 1876 году. Они исповедовали принцип «хождения в народ». Работали земскими учителями, врачами и агрономами. В деревнях проповедовали крестьянам идеи социализма. Мысли о всеобщем равенстве оказались непонятны мужикам, они доносили полицейским исправникам на смутья-

нов. К 1879 году часть членов организации «Земля и воля» разуверилась в том, что русский мужик поймёт суть социализма. Они решили перейти к террору против царя. Свою организацию эти люди назвали «Народная воля». Их лидерами стали Андрей Желябов, Александр Михайлов, Лев Тихомиров. Другая часть высказалась за просвещение мужика. Они организовали партию «Чёрный передел». Их вождями стали Георгий Плеханов, Павел Аксельрод и Вера Засулич.

Игнатий Греневицкий и Николай Рысаков кинувшие 13 марта 1881 года бомбы в Александра II были боевиками партии «Народная воля». После смерти императора полиция полностью разгромила эту организацию. Непосредственные участники покушения на царя были казнены, а остальные народники арестованы. Они медленно умирали от цинги и туберкулёза в каменных мешках Шлиссербургской крепости, либо гремели кандалами в промёрзлых бараках на сибирской каторге. Руководство партии «Чёрный передел» эмигрировало за границу. В Женеве Плеханов в августе 1882 года организовал газету «Правда» и через неё вёл революционную агитацию.

Витте рассудил, что в данный момент нет организации, способной совершить покушение на Александра III. Сергей Юльевич связался с писателем Николаем Николадзе, близким другом Георгия Плеханова. Он намекнул ему об угрозе лидерам «Чёрного передела» со стороны «Священной дружины».

Плеханов, напуганный сообщением Николадзе, стал публиковать в своей газете статьи о том, что его партия отвергает идеи террора. Номер газеты «Правда» Сергей Витте продемонстрировал на собрании «Священной дружины». Он заявил, что принятые им меры сняли угрозу императору со стороны революционеров. После этого «Священная дружина» самораспустилась. Александр III назначил Витте на пост управляющего Юго-Западных железных дорог. Так начался взлёт карьеры Сергея Юльевича. Человек он незаурядный, талантливый администратор, и возглавляемые им учреждения показывали отменную работу.

30 августа 1884 года Александр III назначил Витте на пост министра финансов Российской империи. Сергей Юльевич провёл денежную реформу, введя в обращение золотой рубль. В страну пошёл иностранный капитал, бурно развивалась промышленность. В 1894 году севший на трон Николай II во всём слушался своего министра финансов. Разногласия между императором и Витте возникли в 1903 году, когда Николай II из-за русской экспансии в Корею, пошёл на обострение отношений с Японией. Сергей Юльевич убеждал императора, что не на Корейский полуостров нужно лезть, а развивать Дальний Восток. Строить там железные дороги, ибо одна Транссибирская магистраль не способна накрепко связать дальневосточные земли с европейской частью России. Дабы лишить Витте влияния, император снял его с поста министра финансов, назначив председателем Совета ми-

нистров. В то время этот пост был номинальным, ибо все решения принимал самодержец.

Политика Николая II довела до войны с Японией, в которой Россия потерпела поражение. Император уполномочил Витте вести переговоры с японцами о мире. По мирному договору с Японией, Российская империя потеряла южную часть острова Сахалин.

За успешное заключение Портсмутского мира Николай II присвоил Витте графский титул. Интеллигенция тут же окрестила его «граф Полусахалинский», намекая на отобранные русские земли. Однако никто не задумался, что Россия могла потерять гораздо больше территорий.

После заключения Портсмутского мира Витте добился от императора значительных полномочий для своей должности. Теперь Николай II не принимал без его согласия ни одного решения. Сергей Юльевич был категорически против проекта Лоик де Лобеля, и пока он в окружении самодержца, положение не изменится.

Обдумав всё это, Абрам Животовский поставил знак «минус» возле фамилии Витте. Он перешёл к следующему персонажу.

Унтербергер Павел Фёдорович – нижегородский губернатор. По образованию военный инженер, почти вся его служба проходила в Сибири и на Дальнем Востоке. Под его руководством строились крепости в Николаевске и Владивостоке. В 1888 году получил назначение на пост военного гу-

бернатора Приамурской области. Во времена его правления построили Уссурийскую железную дорогу, Владивостокский порт и доки. Начали разработку Сучанского угольного месторождения. В 1897 году Унтербергер занял пост губернатора Нижегородской губернии. Он ярый противник проекта Лоик де Лобеля, и в этом вопросе Николай II считался с его мнением.

Животовский поставил знак «минус» возле фамилии Унтербергера и перешёл к рассмотрению следующей персоны:

Мин Георгий Александрович – этот генерал-майор оказался в окружении Николая II год назад, когда принял под команду лейб-гвардии Семёновский полк. На строевом смотре бравый вояка произвёл на императора хорошее впечатление, и тот приблизил его к себе. У генерала Мина не сложились отношения с дядей императора, великим князем Николаем Николаевичем, которого в окружении царя зовут «Николаша». Он занимает должность главнокомандующего гвардией и однажды на строевом смотре в пух-прах разнёс командира Семёновского полка. Всё это можно было бы не принимать в расчёт, но Николаша ярый сторонник проекта Лоик де Лобеля. Когда в присутствии генерала Мина в очередной раз зашла речь о франко-американской концессии на строительство дальневосточной железной дороги, император поинтересовался мнением командира Семёновского полка. Тот взбешённый выволочкой от Николаши, высказался против проекта. Теперь его с этой позиции не сдвинешь.

Сам по себе генерал Мин мало что значит, но существенно усиливает позиции Витте – Унтербергера.

Абрам Животовский поставил знак «минус» возле фамилии генерала Мина. Следующим в списке шёл нынешний министр финансов Владимир Николаевич Коковцев. С 1895 года он был товарищем (заместителем) министра финансов Витте. Свою нынешнюю должность занял благодаря Сергею Юльевичу. Во всём придерживается взглядов своего патрона. В глазах императора Коковцев не имеет достаточного веса, чтобы прислушиваться к его мнению. Николаша легко сможет добиться его отставки и удаления из окружения императора. Животовский поставил знак «плюс» возле фамилии Коковцева. Остался последний фигурант:

Тимерязев Василий Иванович – бывший товарищ министра финансов при Витте и Коковцеве, возглавивший недавно образованное министерство торговли и промышленности. Введён в окружение императора хитрецом Витте в противовес Николаше и председателю Государственного совета Фришу. Они выступают за поддержку проекта Лоик де Лобеля. Не составит труда скovyрнуть Тимирязева с поста министра, и удалить от императора. Животовский поставил значок «плюс» возле фамилии министра торговли.

«Витте, Унтербергера и Мина придётся убрать, - засунув руки в карманы брюк, Абрам Лейбович прошёлся по кабинету. Он вздохнул: - За убийства предусмотрена смертная казнь. Но если в кармане лежат акции Нью-йоркского город-

ского банка суровые статьи Уголовного уложения Российской империи не так уж и страшны. К тому же не сам же я буду в них стрелять, да подкладывать бомбы!»

Животовский замурлыкал под нос:

- На земле весь род людской,
Чтит один кумир священный,
Он царит над всей вселенной,
Тот кумир – телец златой!³

Придя к решению устранить царских сановников, Абрам Лейбович выпил рюмку коньяка и пошёл спать.

Утром, причёсываясь перед зеркалом, Животовский напевал прицепившийся мотив из оперы «Фауст»:

- Этот идол золотой
Волю неба презирает,
Насмехаясь, изменяет,
Он небес закон святой!

- В весёлом вы настроении Абрам Лейбович, - улыбнулся секретарь, двадцатилетний Аарон Лившиц.

- Пойдёшь на Знаменскую улицу, разыщешь там лавку колониальных товаров Мераба Иоселиани. Скажешь хозяину, чтобы сегодня к пяти часам вечера явился ко мне, - Животовский положил костяной гребешок на полку и отправился завтракать в столовую.

Выпив рюмку зубровки под стерлядь и омлет «а-ля фран-

³ Вольфганг Гёте трагедия «Фауст».

се», откушав кофею, Абрам Лейбович вышел из дома. Он велел извозчику везти его в Пассаж. Там в «Кафе де Пари» Животовский хотел увидеть своего давнего знакомого Захария Жданова.

Абрам Лейбович познакомился с владельцем лавки скобяных товаров купцом Ждановым пятнадцать лет назад в карточном доме Маслевича. Это тайное игорное заведение на Большой Морской улице было известно всему Петербургу. Здесь собирались любители рулетки и карточной игры «фараон». Гвардейские офицеры у Маслевича проматывали наследство, доставшееся от богатых родственников, а чиновники спускали казённые деньги. Помещики проигрывали ассигнации, вырученные за урожай. Где брали деньги студенты, садившиеся за карточные столы, одному Богу известно.

На Большой Морской улице крутились шулера, умевшие незаметно передёргивать карты. Одним, из таких ловкачей был молодой Абрам Животовский. Он приехал из Очакова, имея триста рублей ассигнациями. Сел играть за карточный стол, и сразу обратил внимание, что банкомат неумело передёргивает карты. Он решил наказать нахала, удвоил ставку и внимательно наблюдал за руками банкомёта. От пристального надзора тот стал нервничать и проигрывал куш⁴ за кушем. После игры они познакомились, этим банкомётом оказался молодой купчишка Захарий Жданов. Подружившись с ним, Абрам узнал, что раньше его приятель носил фамилию

⁴ Куш – ставка в карточной игре.

Голяшкин. Приехав из деревни в Петербург, он женился и взял фамилию тестя.

Жданов и Животовский стали работать в паре, обыгрывая доверчивых простаков. Накопив стартовый капитал, Абрам предложил напарнику ехать в Сибирь. Там большие перспективы, но Захарий не хотел бросать свою скобяную торговлю.

Абрам уехал в Хабаровск, свёл дружбу со старшим адъютантом штаба Приамурского военного округа подполковником Ухач-Огоровичем. На поставках провианта для армии они неплохо зарабатывали, но компаньон Абрама Лейбовича был патологически жаден. При расчётах с одним из поставщиков, Ухач-Огорович недоплатил ему, и тот пожаловался командующему округом генералу Духовскому. Назначили комиссию, которая вскрыла махинации. Ухач-Огорович с позором уволился из армии. С помощью своей кухни Александры Тимофеевой, жены командующего Закаспийской областью генерала Куропаткина, он смог восстановиться на службе. По протекции родственника его назначили заведующим военно-транспортным отделом в Омской губернии. Ухач-Огорович получил чин полковника. Сразу в его окружении появился Животовский. Партнёры опять стали работать вместе. Дела у Абрама Лейбовича пошли так хорошо, что он организовал «Русско-Азиатский банк».

Когда началась русско-японская война, командующим Маньчжурской армией назначили генерала Куропаткина. Он взял к себе своего дальнего родственника Ухач-Огоровича.

Ему присвоили чин генерал-майора и назначили начальником транспорта Маньчжурской армии. Одновременно он командовал разведочным отделением. Тут уж дельцы развернулись во всю мощь.

Они жульничали с продовольствием для армии. Закупали по дешёвке забракованных лошадей, и продавали их в войска как первоклассных скакунов. Но подельникам этого было мало, они привлекли бывшего разбойника Мераба Иоселиани, который отбив каторгу на Сахалине, осел в Хабаровске. Ухач-Огорович назначил его начальником подвоза армейского провианта. Иоселиани сколотил банду, которая грабила транспорты с продовольствием, идущие в Маньчжурскую армию. Похищенные продукты снова продавали военному ведомству.

Вновь разыграла жадность Ухач-Огоровича. Он клал в карман деньги из агентурного фонда, составив липовый список агентов, якобы славших ему разведывательные донесения. Всё это не могло ускользнуть от Фуццо Хаторори, резидента японской разведки в Маньчжурии. Он подставил Ухач-Огоровичу своего агента – биржевого спекулянта Якова Персица. Теперь генерал-прохиндей мог не напрягать мозги, выдумывая агентурные сообщения. Дезинформацию ему поставляла японская разведка.

Воспоминания о прошлом заняли у Абрама Лейбовича всю дорогу до Пассажа. Выбираясь из экипажа, Животовский вздохнул:

«Был я молод и лёгок на подъём. Теперь мне под сорок, печень болит и подагра мучает».

Захарий Жданов проводил дни напролёт в «Кафе де Пари». Семь лет он постоянно занимает один и тот же столик в углу зала. 1898 год оказался особенно удачным для Захария. Умер его тесть, оставив в наследство капитал и два доходных дома. Вдобавок полиция разгромила карточный дом Маслевича, а публика не могла жить без азартных игр. Жданов открыл игорное заведение в Елисейском доме на Невском проспекте. Теперь он не сидел за карточным столом, а занялся биржевыми спекуляциями. В последнее время сделки на бирже стали так же популярны как азартные игры. В газетах публиковались биржевые котировки, а слухи о внезапном обогащении будоражили публику. В Петербурге Жданов считался лучшим биржевым брокером, люди с удовольствием несли ему деньги, в надежде заработать капитал на росте акций.

- Захарий Петрович тебе давно пора принимать клиентов не в кафе, а собственную контору завести, - Животовский отдал пальто и шляпу-«котелок» официанту. Он сел за столик: - Открой собственный банк.

-хлопотно это, - Жданов взял графин с водкой, наполнил рюмки.

- Тебе достаточно основать банкирский дом. Это не акционерный банк. Не нужно утверждать устав в министерстве финансов. Мелкий банк не обязан публиковать свою отчёт-

ность. Это как раз то, что нужно для биржевых спекуляций,
- Животовский достал папироску из портсигара.

- Хорошо, подумаю, - Жданов опрокинул стопку водки в рот и закусил лимончиком. Он достал часы из жилетки: - Потрапезничаешь со мной за компанию?

- Некогда, - Абрам Лейбович закурил папиросу. - Князь Андроников твоё заведение посещает?

- Каждый день, - кивнул купец. Он засунул часы в карман жилетки: - Сегодня там с утра с купцом Семеновым за карты засел.

- Пусть заглянет ко мне после обеда, - Абрам Лейбович затушил папиросу в пепельнице.

Михаил Андроников происходил из древнего грузинского княжеского рода. Его отец Мимуш Абелович Андроников служил адъютантом у великого князя Михаила Николаевича, двоюродного деда императора. Родовитого юношу определили в Пажеский корпус, его ждало прекрасное будущее. Но князь стащил золотые часы у своего товарища, за это его с позором изгнали из элитного учебного заведения. Родственники пристроили непутёвого юношу чиновником по особым поручениям в МВД. Однако князь Михаил службой манкировал, пропадая в игорном заведении. За жульничество в картах он не раз бывал бит. В приличное общество его дано не пускали, и он водил дружбу с тёмными личностями. Андроников вечно был в долгах как в шелках. Животовский изредка ссужал его деньгами. Взамен князь наводил справки

в министерстве внутренних дел о лицах интересующих банкира.

Едва лакей игорного заведения сообщил князю, что его хочет видеть банкир Животовский, он тотчас же поспешил на набережную Фонтанки. Абрам Лейбович принял князя в домашнем кабинете. Велел лакею принести чаю.

- Тяжёлый год выпал, - вздохнул банкир. – Бомбисты в Москве убили великого князя Сергея Александровича. Теперь беспорядки кругом начались.

- Государь на днях подпишет манифест, который должен успокоить народ, - Андроников достал щипчиками кусочек сахара из сахарницы и положил в чашку с чаем.

- Дай то бог, - кивнул Животовский. Он отхлебнул чай: - Только не ведомо, что на уме у этих злодеев. Одним манифестом их не утихомиришь. Для них виселицы надобны, а чтобы их туда отправить, нужно знать, где искать лиходеев.

- Все антигосударственные элементы у нас на учёте, - усмехнулся князь.

- Учёт дело хорошее, да только в голову каждому не заглянешь. У нас ведь как, нашли у человека запрещённую книгу, вот и взяли его под надзор полиции. Только ни один полицейский чин не скажет, на что этот человек способен.

- Уж не надумали ли вы Абрам Львович политическим сыском на досуге заняться? – захихикал Андроников.

- Помочь государству в трудную минуту, долг каждого добропорядочного человека, - банкир поставил чашку на

стол. Он достал портмоне из внутреннего кармана пиджака. Вынул десять пятирублёвых ассигнаций: - Найди мне человека, который состоит на учёте полиции как революционер, но пока в связях с бомбистами не замечен.

Банкир положил деньги на стол.

— Это задаток, найдёшь нужного человека, ещё сто рублей получишь.

- Будет сделано, - Андроников забрал деньги и откланялся.

Когда часы в гостиной пробили пять часов, лакей доложил Животовскому, что пришёл лавочник Мераб Иоселиани. Абрам Лейбович вышел в гостиную.

- Как идёт торговля? – банкир пожал руку своему подельнику.

- Понемногу. Зачем звал?

- Купи мне в оружейной лавке пистолет, чтобы можно было положить в карман пиджака или в дамскую сумочку, - Животовский протянул пятьдесят рублей Мерабу Иоселиани.

- Хорошо, - кивнул лавочник и взял деньги.

3. Мераб Иоселиани. «Бродяга судьбу проклиная».

«В доходном доме Лихачёва есть оружейная лавка», - подумал Иоселиани, выйдя от Животовского. Моросил нудный, противный дождь. Мераб решил ехать на извозчике.

- За сколько довезёшь до Графского переулка? – он подошёл к пролётке, остановившейся у театральной тумбы.

- За двугривенный домчу с ветерком, - погладил окладистую бороду мужик.

- Лихоимец! Тут ехать всего ничего!

- Овёс нынче дорог, - последовал любимый ответ всех российских ямщиков.

- Трогай, - сел в экипаж Иоселиани.

«Весь месяц тучи, так недолго забыть цвет неба, - вздохнул Мераб. Он поправил картуз: - В Сванетии в октябре тоже часто дожди, но небо там ласковое».

Мераб Иоселиани родом из аула Халде в Верхней Сванетии. Край этот находится высоко в горах Кавказа. Сваны вступили в Российское подданство в середине XIX века. На их жизнь данное событие мало повлияло. Раньше они платили подушный налог своим князьям, теперь русскому царю, представителями которого были всё те же князья. Русской администрации в Верхней Сванетии долго не было.

Правильно ли там собираются налоги, непонятно. Губернатор Властов решил навести в этом вопросе порядок. Он отправил предписание приставу Сванетии князю Джорджадзе: произвести учёт земельной собственности и населения. Представители сванских общин поинтересовались у пристава:

- Чем вызван этот учёт?

Князь Джорджадзе не стал заморачиваться с объяснениями, а приказал выгнать взашей шанов.⁵ Те вернулись в аулы и заявили односельчанам:

- Будет повышение налогов!

Взволновались общины Мулахи, Местия, Ланджери, Латали, Ипари и Ушгули. Пристав уведомил губернатора о восстании сванов. Властов направил в Верхнюю Сванетию 161-й Александропольский пехотный полк и эскадрон грузинской иррегулярной милиции.

21 августа 1876 года войска вошли в аул Халде. Мерабу в ту пору было шестнадцать лет. Все юноши и молодые мужчины укрылись в крепостной башне на окраине аула. Мераб последовал туда за своим старшим братом Тенгизом.

Старики и женщины попытались решить дело миром. Они стали вести переговоры с генералом Цытовичем, командовавшим войсками. Разговор шёл возле башни, где укрылась аульная молодёжь.

Мераб швырнул камень в русского офицера, разбив ему

⁵ Шан – самоназвание жителей Сванетии, свою страну они звали «Шванар».

голову. Тот приказал солдатам стрелять по крепости. Ответным огнём сваны убили этого офицера и двух солдат. Теперь о примирении не могло быть и речи. Русские подтянули осадные орудия и стали бомбардировать крепостную башню. Но в древние века строили на совесть, снаряды не причинили башне большого вреда. Бой шёл весь день, потом русские взорвали заряды под стенами башни. Восемь халдейцев погибли под завалами башни, а тридцать три человека арестовали.

На суде их защищал поэт Акакий Церетели. Приговор для бунтовщиков оказался на удивление мягкий. Они провели три года в Кутаисской тюрьме. Потом Тенгиз и Мераб вернулись в аул, где их родного очага уже не было. Родители умерли, а землю захватил князь Михаил Дадешкелиани. Братья поехали к нему в селение Бечо, но спесивый князь не захотел разговаривать с ними. Тенгиз и Мераб затаили обиду. Они подловили князя на охоте, убили и ушли в абреки.

Абрек – вольный человек, живущий в горах вне закона. Братья три года промышляли разбоем, пока возле селения Ушгули их не обложили казаки. Тенгиз был убит, а Мераба судили. Он отбывал каторгу на острове Сахалин.

Восемь лет рубил уголь на шахте в Александровске. Грязь, вши и руки стёртые кандалами до крови. Днём тяжёлый труд на шахте, а ночью вонь барака и тревожный сон на нарах, застеленных соломой. Так прошла его молодость. Потом Мераба перевели в ссыльные поселенцы. Кандалы сняли, и можно

было свободно ходить по посёлку. Он работал грузчиком в Александровском порту. Жил в лачуге, по вечерам с приятелем Мишкой Сынком пил водку и пел каторжные песни. Друг подбил его бежать с Сахалина.

Они заплатили шкиперу шхуны, и тот переправил их во Владивосток. Там их арестовала полиция. Снова три года в кандалах на строительстве Жонкиерского маяка. Теперь перейдя в ссыльные поселенцы, Мераб не помышлял о побеге.

В 1902 году он получил разрешение покинуть Сахалин. Осел в Хабаровске и через пару лет познакомился с Абрамом Животовским. Тут бывший абрек с удивлением узнал: можно заниматься разбоем, и при этом не попадаться полиции. После окончания русско-японской войны Абрам Животовский через своих высокопоставленных друзей выхлопотал Мерабу разрешение жить в Петербурге.

В столице Российской империи Мераб Иоселиани стал солидным человеком – купцом второй гильдии. Живи, радуйся, но часто снятся горы Сванетии. Недавно Мераб повстречал Николая Дадешкелиани, племянника того самого князя Михо, которого они с братом зарезали на берегу реки Ингури. Оказывается князю Нико как единственному наследнику отошли родовое гнездо князей Дадешкелиани и земли в округе аула Бечо. Он служит в гвардейском гусарском полку и не помышляет жизни вне Петербурга. Что ему свободный воздух Сванетии?! Князю Нико по душе хмурая петербургская сырость. Он с удовольствием продаст имение Дадешке-

лиани. Здорово было бы уехать в Бечо, взять там молодую жену, она нарожает Мерабу детей. Лавка Иоселиани приносит неплохой доход, но чтобы накопить нужную сумму, ему потребуется десять лет. Это слишком долго!

Ругая петербургскую погоду, Иоселиани добрался до оружейной лавки. Приказчик с прилизанными волосами, разложил перед Мерабом образцы оружия.

- Рекомендую, господин хороший, «Маузер», - продавец вытащил из деревянной кобуры пистолет. - В магазине десять патронов. С двухсот метров попадёте в муху.

Продавец пристегнул деревянную кобуру к рукоятке «Маузера»:

- В таком виде можно стрелять прицельно на триста метров.

Видя, как загорелись глаза у Мераба, приказчик продолжил:

— Это оружие придаст вам значимость, а стоит всего пятьдесят рублей.

Иоселиани вспомнил пожелание Животовского о размерах оружия, он положил «Маузер» на прилавок.

- Слишком большой, - вздохнул Мераб.

- Можно и поменьше, - кивнул приказчик. - Рекомендую, револьвер системы «Лефоше». Оружие лёгкое, удобное, весит всего полтора фунта.⁶ Рукоятку можно использовать в качестве кастета. Этот револьвер весьма уважают господа

⁶ Фунт – мера веса равная 400 граммов.

офицеры. Стоит сорок три рубля.

- Ещё меньше.

— Вот, извольте взглянуть, дамское оружие. Однако убьёт здоровенного детину. Пистолет системы «Браунинг». Свободно умещается в заднем кармане брюк.

- Подходит, - кивнул Мераб.

- Семнадцать рублей. Патроны желаете к нему? – приказчик выщелкнул обойму из рукоятки пистолета.

- Возьму, - кивнул Иоселиани.

Пока Мераб выбирал оружие, дождь прекратился. Сумерки опустились на город. Мостовая матово блестела в свете газовых фонарей. Лавочник решил добираться домой пешком. Когда проходил по улице Бассейная услышал за спиной:

- Абрек! – это была каторжанская кличка Иоселиани, он обернулся.

К нему подошёл бородатый мужик в армяке.⁷

- Мишка Сынок! – узнал Иоселиани своего сахалинского товарища. Он обнял его: - Откуда ты здесь?

- Послали меня, добра молодца, проповедать каторги, распроклятой долюшки, - усмехнулся Сынок.

- Пойдём Мишка в мой дом, там и поговорим, - Мераб привёл своего старого товарища к себе. Стол накрыл. Выпили водки, вспомнили молодые годы. Иоселиани поставил на граммофон пластинку артиста Дмитрия Смирнова. Заиграла музыка, и запел певец:

⁷ Армяк - верхняя крестьянская одежда из овчины.

- По диким степям Забайкалья,

Где золото роют в горах.

Бродяга судьбу проклиная.

Тащился с сумой на плечах.

- Бродяга к Байкалу подходит. Рыбачью лодку берёт, - подхватил Мишка Сынок. Он вытер слёзы с глаз: - Эх, жизнь бродяжья, доля каторжанская. Горька ты словно водка, да не хмелеешь с неё!

- Если жить с умом, можно сытно есть и вволю пить вина,

- Мераб разлил зубровку по рюмкам.

- Ты-то видно жить научился, - кивнул Сынок.

- Тебя по старой дружбе тоже научу, - Иоселиани выпил хмельного. - Воруют все, а попадают дураки. Как только я это понял, сладко жить начал.

- Вон оно как, - Мишка опрокинул рюмку зубровки в рот.

Закусил малосольным огурчиком: - Научи, коли не жалко.

- Перво-наперво, не пей, с кем попало, и всегда держи язык за зубами, - Мераб закурил папиросу. - Воровать нужно по-крупному и редко.

- И рад бы взять, да где силы занять, - вздохнул гость. Он вытер рот ладонью: - У кого много добра, у того полно сторожей.

- Я скажу, где и как взять, - Иоселиани стряхнул пепел с папиросы.

- Научат, добры люди, решетом воду носить, - усмехнулся Сынок.

- Держи язык за зубами да слушай, - Мераб подошёл к двери, закрыл её плотнее. Он сел на стул и наклонился к собутыльнику: - На углу Садовой и Гороховой есть ювелирный магазин купца Абовича. Открывается он в девять часов утра, а старик приходит в лавку к восьми. В это время там кроме него никого нет. Возьмёшь золотишко и уйдёшь. Я помогу тебе сбыть его.

- А коли старик не захочет сейф отпереть?!

- Припугнёшь его пистолетом, - Мераб положил «Браунинг» на стол. Он усмехнулся: - Жизнь у всех одна, менять её на побрякушки никто не захочет.

- Стоящее дело, - кивнул Мишка Сынок, покосившись на пистолет.

— Вот тебе пятьдесят рублей, купи одежду. Не в сермяге же тебе в ювелирный магазин идти! - Иоселиани положил деньги на стол. Он разлил водку по рюмкам: - Завтра определись на месте, что и как. Вечером приходи ко мне поговорим.

Утром Мишка купил сюртук касторовый⁸ со штучным⁹ бархатным жилетом, сапоги гармошкой и картуз. В цирюльне остриг волосы, подровнял бороду. Он отправился на Са-

⁸ Сюртук касторовый – длинный до колена, однобортный пиджак. Название произошло от французского слова «surtout». Как правило, сюртук шился из шерстяной ткани «касторин».

⁹ Штучный жилет – так именовались жилетки, продаваемые в комплекте с сюртуком, но сшитые из другого материала.

довую улицу. Обследовал всё вокруг ювелирного магазина. Выбравшись проходными дворами к Апраксину переулку, Сынок увидел как городской,¹⁰ вытянувшись во фронт, отдавал честь проезжавшей пролётке.

- Великий князь Николай Николаевич, командующий гвардией, - кивнул на экипаж лоточник - папиросник.

Мишка Сынок посмотрел на генерала, сидящего в пролётке.

¹⁰ Городовой – полицейский, выполняющий функции патрульно – постовой службы.

4. Великий князь Николай Николаевич. «Избави нас от Лукавого».

Великий князь Николай Николаевич, которого в венценосном семействе Романовых звали Николашей, проезжая в экипаже по Апраксину переулку. Он хмуро смотрел на прохожих. Его второй раз в жизни терзали любовные муки.

Бравый вояка всегда был далёк от сердечных переживаний. Но двадцать лет назад тридцатилетнего командира лейб-гвардии гусарского полка поразила стрела амура. Николаша влюбился в купеческую вдову Софью Буренину, владелицу мехового магазина в Гостином дворе. Он хотел жениться на ней. Его матримониальные намерения нарушил император Александр III, заявив:

- Я в родстве со многими дворами Европы, но быть в родстве с Гостиным двором не желаю!

Император заставил Николашу забыть Софью. Тот выполнил волю монарха, и целиком посвятил себя службе. Время лечит все раны: любовные и телесные. Исцелился Николаша от своей любви. Но в пятьдесят лет коварный амур пустил новую стрелу в его сердце. Он влюбился княжну Анастасию Черногорскую, которую при императорском дворе звали «Станой». Она была женой Георгия Максимилиановича

герцога Лихтенбергского. Обвенчали их по воле императора Александра III. Любви меж супругами никогда не было. Герцог Лихтенбергский всё время проводил в Париже, где волочился за актрисами. Он с радостью согласился на развод со Станой. Однако требуется получить согласие у Николая II, а император был противник разводов. По дороге в Царское село Николаша готовился к тяжёлому разговору со своим двоюродным племянником.

Подъехав к Александровскому дворцу, великий князь Николай Николаевич вспомнил об утреннем разговоре с Животовским по поводу франко-американской концессии Лоик де Лобеля. Министр финансов Коковцев был категорически против этого проекта, и банкир предложил уговорить Николая II отправить его в отставку. Николаша решил начать беседу с императором разговором о Коковцеве.

Государь бы в благодушном настроении. Он пригласил своего дядю в Мавританскую комнату, куда им подали кофе. Монарх был учтив, угостил Николашу папиросой из своего портсигара, со стороны государя было верхом любезности. Николай II курил очень много. Он предпочитал редкий египетский табак. Его привозили для императора из Константинополя и набивали в папиросные гильзы на табачной фабрике Асмолова. На месяц у императора было две тысячи папирос. Государь всегда боялся, что закончатся его табачные запасы. По этой причине он редко угощал кого-либо своими папиросами.

- Вчера я имел разговор с военным министром Редигером, - Николаша закурил папиросу, предложенную императором. Он выдохнул табачный дым: - Александр Фёдорович жаловался, что Коковцев как Плюшкин жалеет каждую копейечку. Он крайне скудно выделяет ассигнования на военные нужды. Такая экономия не доведёт до добра!

- Я сниму Коковцева с поста министра финансов, - император затянулся папиросой.

Обрадовавшись согласием Николая II уволить министра финансов, Николаша решил перейти к главному для себя вопросу.

- Мудрый и милосердный монарх, это счастье для Державы, - Николаша затушил папиросу в пепельнице. Он поправил мундир: - Благополучие подданных, вот истинная цель справедливого государя.

- Что-то вы сегодня дядюшка велеречивы, - усмехнулся император.

- Государь, жизнь княжны Станы в ваших руках. Её брак с герцогом Лихтенбергским несчастен. Супруги терпеть не могут друг друга, и Георгий Максимилианович не против развода.

- Дядюшка, как вы только что заметили, мудрый монарх, это счастье для Державы, - император затянулся папиросой. Он стряхнул пепел в пепельницу: - Государь и его семья должны быть примером для подданных. Княжна Стана входит в наше семейство. Какой пример, она подаст людям, раз-

рушая священные узы брака?!

- Ваше величество, но брака нет!

- Дядюшка, это не тема для дискуссий, - Николай II затушил папиросу в пепельнице. Он посмотрел на великого князя: - Господин генерал, более я вас не задерживаю.

Николаша взбешённый отказом венценосного племянника в коридоре он наорал на подвернувшегося подпоручика лейб-гвардии гренадёрского полка. К молоденькому офицеру, ошарашенному разносом учинённым командующим гвардией, подошёл штабс-капитан Моравский. Они служили в одном батальоне.

- Что Вадим, досталось от Лукавого? – кивнул Моравский вслед Николаше.

Великого князя Николай Николаевича за грубость и излишние придирки не любили офицеры гвардии. За свой подлый нрав он заработал кличку «Лукавый».

- Не зря в гвардии говорят: «Избавь нас от Лукавого», - вздохнул штабс-капитан и тут же вытянулся во фронт. К ним подходил председатель Совета министров граф Витте.

- Мне сказали, что государь в Мавританской комнате, - Сергей Юльевич расстегнул замок на кожаной папке.

- Так точно Ваше высокопревосходительство, - щёлкнул каблуками штабс-капитан.

Витте прошёл к императору.

- Сергей Юльевич, я принял решение снять Коковцева с поста министра финансов, - император сходу огорошил

председателя Совета министров. Николай II прошёлся по Мавританской комнате: – Все жалуются, что Коковцев не выделяет ассигнования на нужды министерств.

- Ваше величество, министр финансов не отказывает в ассигновании, он лишь просит детально расписать, на что будут расходоваться выделенные средства.

- Сергей Юльевич, решение по Коковцеву принято, и я не намерен его обсуждать! – Николай II как всякий глупец, терялся перед умными людьми. Он предпочёл закончить разговор на эту тему. В свою очередь Витте решил не обострять ситуацию перед обсуждением текста манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка». ¹¹

После аудиенции Витте в дворцовом коридоре повстречал министра внутренних дел Дурново.

- Государь сегодня в отвратительном настроении, - пожаловался он главе МВД.

- Мне выбирать не приходится, сегодня день моего доклада, - развёл руками министр внутренних дел. Он прошёл в Мавританскую комнату.

¹¹ Так называемый «Октябрьский манифест» Николай II подписал 17(30) октября 1905 года. Документ разработан С. Ю. Витте. В этом нормативно-правовом акте предусмотрено учреждение нового представительного органа – Государственная дума.

5. Аркадий Износков. «Он был титулярный советник. Она – генеральская дочь».

Пётр Николаевич Дурново докладывал императору об обстановке в стране. Николай II не внимательно слушал отчёт министра внутренних дел, думая о чём-то своём. Император не задал вопросов главе МВД, и Дурново откланявшись, покинул государя.

Рабочий кабинет министра внутренних дел находился в Департаменте полиции. Едва Дурново приехал к себе на набережную Фонтанки, в кабинет вошёл его секретарь.

- Ваше высокопревосходительство в приёмной начальник сысской части господин Филиппов. Он просит принять его, - доложил секретарь. Этот чиновник походил на римского императора Гонория. Однако гордому римскому профилю не соответствовал писклявый голос секретаря. Потому в министерстве его прозвали: «Гоношей».

- Зови, - велел министр, и сел за рабочий стол. Гоноша поклонился и вышел в приёмную.

В кабинет вошёл коренастый господин с пышными усами – статский советник¹² Филиппов начальник сысской части

¹² Статский советник – гражданский чин 5-го класса в Табели о рангах. Давал право на личное дворянство.

Петербургской полиции.

- Вынужден вас огорчить Владимир Гаврилович. Учредить должность заместителя начальника сыскной части Петербургской полиции, нет никакой возможности, - министр открыл папку с бумагами. Он откинулся на спинку стула.

- Посудите сами милостивый государь, мы и так потакаем всем вашим прихотям. Увеличили штат сыскной части вдвое.

- Ваше высокопревосходительство, но сыскная часть значительно улучшила свою работу.

- Министр финансов крайне скуп на ассигнования министерствам, - Дурново встал. Он подошёл к Филиппову: - Сегодня в Царском селе мне по секрету сообщили, что государь отправляет в отставку Коковцева. Может через год, при новом министре мы вернёмся к этому вопросу.

Сыскная часть Петербургской полиции располагалась на Офицерской улице. Всю дорогу Филиппов размышлял, как сказать Аркадию Износкову, что не видать ему в ближайшее время чина титулярного советника.¹³

Владимир Гаврилович Филиппов назначен начальником сыскной части Петербургской полиции два года назад. Он добился у тогдашнего министра внутренних дел Вячеслава Плеве значительного увеличения штата. Половину со-

¹³ Титулярный советник – в Табели о рангах чин 9-го класса. Приравнен к армейскому званию штабс-капитан в пехоте, штаб-ротмистр в кавалерии, или подъесаул в казачьих войсках. Практически это был потолок для большинства чиновников.

трудников откомандировал в полицейские части Петербурга. Они изучали в районах криминальную обстановку. Это помогло в раскрытии преступлений. Филиппов ввёл регистрацию всех происшествий. Пойманных преступников фотографировали и заводили на них учётные дела, с описанием преступлений ими совершённых, подельников и прочей информации. Все эти сведения хранились в специальной картотеке. Филиппов ввёл круглосуточное дежурство бригады сыскных агентов. Это позволило осуществлять выезд на происшествия немедленно. Таким образом, больше половины преступлений удавалось раскрывать «по горячим следам». Огромную помощь Владимиру Гавриловичу оказывал его внештатный заместитель Аркадий Износков. Они познакомились в Вятке летом 1903 года. В ту пору выпускник юридического факультета Казанского университета работал помощником присяжного поверенного.¹⁴ Филиппов убедил его поступить на службу в сыскную часть Петербургской полиции. Износкову дали чин коллежского секретаря.¹⁵ Владимир Гаврилович заверил его, что вскоре он добьётся для него чина титулярного советника. Однако выполнить своего обещания он не смог.

На первом этаже сыскной части располагалось присут-

¹⁴ Присяжный поверенный - так в Российской империи именовалась должность адвоката.

¹⁵ Коллежский секретарь – гражданский чин 10-го класса в Табели о рангах. Соответствует званию поручик в пехоте и кавалерии, сотник в казачьих войсках. Первый чин, присваиваемый лицам, имеющим высшее образование.

ственное место – большая комната, в которой сидели делопроизводитель и три его помощника. Они вели регистрацию преступлений, опрашивали потерпевших и свидетелей. Когда Филиппов вошёл туда, Аркадий Износков разговаривал с белобрысым мальчишкой, одетым в шинель гимназиста. Около них стоял полицейский агент Кринёв.

- Владимир Гаврилович извольте познакомиться, карманный вор Пётр Крылов по кличке «Скобарь», работает под гимназиста, - Извольский похлопал по спине мальчика.

- Напраслину возводите на меня господин хороший, - подросток шмыгнул носом.

- Сегодня ты успел сбросить кошелек на землю, в следующий раз попадёшься, - улыбнулся Износков.

- Аркадий Дмитриевич мне с вами поговорить надобно, - Филиппов направился в свой кабинет.

- Семён Михайлович сделайте словесный портрет Скобаря. Сфотографируйте, и гоните его отсюда, - Износков подтолкнул мальчишку к делопроизводителю. Он поднялся по лестнице на второй этаж, в кабинет начальника.

- Аркадий Дмитриевич, у меня для вас неприятное известие. Министр отказал в назначении вас в должность моего официального заместителя, - вздохнул Филиппов. Тут же поспешно добавил: - Он обещал положительно решить вопрос через год.

- Ну что ж подожду ещё год, - кивнул Износков. Он посмотрел на Филиппова: - Я могу быть свободен?

Возвращаясь от начальника в свой кабинет, Износков проходя мимо комнаты полицейских надзирателей Кринёва и Сальникова, невольно подслушал их разговор.

- Я говорю Аркаше, вздуть нужно этого Скобаря, тогда он расскажет, как кошелёк украл, - Износков узнал голос Сергея Кринёва.

- А он тебе что ответил? – поинтересовался Алексей Сальников.

- В Уголовном уложении Российской империи в статье пятой части третьей указано: «Любые сомнения в виновности обвиняемого толкуются как доказательства его невиновности». Присяжные посчитают, что кошелёк на земле сам по себе оказался, а не карманник Скобарь его туда сбросил, - Сергей Кринёв почти с точности изобразил голос Износкова.

Аркадий не стал слушать продолжение разговора и отправился к себе.

«Аркаша», - усмехнулся он, открывая ключом дверь кабинета. Странное дело, где бы он ни появился, его почему-то зовут не по имени-отчеству, а именно «Аркаша». Сальников и Кринёв – бывшие городовые, год назад пришедшие в сыскную часть. Однако их даже за глаза звали Алексей Андреевич и Сергей Николаевич, а он Аркаша. С его отцом та же история, крестьяне и соседские помещики его звали «Митенька».

Впрочем, отец слабый и безвольный человек, иного обращения не заслуживал. Хозяйство в их имении целиком

держалось на плечах матушки. Вот уж у кого характер крепень! Батюшка же целыми днями пил водку, да причитал, что род Износковых древнее Оболенских, Горчаковых и Баятинских, а почётom не пользуется.

- Моему предку Москва принадлежала, - стучал кулаком в грудь пьяный папенька.

Историю эту в роду Износковых передавали из поколения в поколение. В Тверской летописи указано, что в 1156 году «князь великий Юрий Владимирович заложил град Москву на устниже Неглинной, выше реки Аузы». Но летопись лукавит! Поселение существовало и ранее, только звалось «Кучково городище». Принадлежало боярину Степану Кучке. Был этот боярин из племени меря, на их языке «кучка» означает «орёл». В 1132 году Юрий Долгорукий перенёс столицу своего княжества из Ростова в Суздаль. Спустя четырнадцать лет он посетил боярина Степана Кучку. Понравилась князю боярыня, да и хозяйство боярское приглянулось. Задумал Юрий Долгорукий отобрать город и жену у Степана Кучки. Княжеские дружинники зарезали боярина и его воинов. Жена его, чтобы не быть поруганной, выбросилась из окна терема. Она разбилась, ударившись о землю. Дабы стереть из памяти людской имя Степана Кучки, повелел Юрий Долгорукий назвать городище - Москва. В честь реки, на берегах которой располагался городок. Остались сиротами малые дети боярские: дочка Улита, да мальчишки Пётр и Яким. Забрал их с собой князь в Суздаль.

Улита подросла и стала красавицей. Выдал её Юрий Долгорукий за своего старшего сына Андрея. После смерти отца тот перенёс столицу княжества во Владимир. Да только не нравилось ему жить в городе, а предпочитал он обитать в селе Боголюбово близ Владимира. За это в народе прозвали его Андрей Боголюбский.

В 1172 году он приказал казнить своего шурина боярина Петра Кучковича. Яким и Улита решили отомстить Андрею Боголюбскому за смерть брата. Организовали они заговор против князя. Одного из заговорщиков звали Амбал Ясин.

Амбал с языка ясов (осетин) переводится «друг». Так у них звались княжеские телохранители. Фамилия Ясин означает, что Амбал происходил из племени ясов. Заговорщики закололи мечами Андрея Боголюбского.

После смерти князя его братья Михаил и Юрий начали войну между собой, за престол княжеский. Михаил Юрьевич попросил боярина Якима Кучковича поддержать его в борьбе с братом Юрием. Боярин Яким уговорил жителей Владимира встать на сторону князя Михаила. Тот сев на престол владимирский, обвинил Ульяну и Якима в убийстве Андрея Боголюбского. Привязали их к городским воротам и расстреляли из луков. Больше никого из убийц Андрея Боголюбского не тронули. Амбал Ясин перебрался в Москву и занялся торговлей. Однажды он по делам купеческим приехал во Владимир и встретил мальчика-сироту. Все звали его

«Износок», что значит «Оборванец». Узнал Амбал Ясин в этом мальчишке сына Якима Кучковича. Взял он его к себе. Вот от этого мальчишки и пошёл род Износковых, дворян Вятской губернии.

Сев в кабинете за письменный стол, Аркадий задумался:

«Может быть, мне не следовало поддаваться на уговоры Филиппова и перебираться в Петербург? В этом году мне исполнилось двадцать пять лет, я стал бы присяжным поверенным в судебной палате».

Разбирать межевые споры между помещиками, да склоки наследников при дележе имущества. Тоска! А иных дел в губернской судебной палате не бывает.

«Можно было уехать к маменьке в деревню, и заниматься хозяйством», - Аркадий убрал бумаги в ящик стола.

Пить водку промеж бочонков с мёдом да кадушек с квашеной капустой. Раз в месяц выбираться в Вятку, играть в карты в дворянском собрании. В сорок пять лет из-за пьянства и обжорства умереть от апоплексического удара. Тоже не велика радость.

«А иметь дело с ворами и убийцами, весело, – усмехнулся Аркадий. Он прошёлся по кабинету: - Кот, ловя мышей в амбаре, ведёт жизнь голодную, но презабавную. Намного интереснее, чем сытый трутень в улье».

Придя к таким выводам, Износков белее не задумывался над тем, правильно ли он выбрал свою стезю.

Вечером за ужином он сообщил жене:

- Сегодня министр отказал Филиппову в просьбе назначить меня заместителем начальника сыскной полиции.

- Владимир Гаврилович просто не захотел из-за тебя спорить с начальством! – жена положила ложку. Она встала и прошла по гостиной: - Кто ты ему?! Кум, сват, брат.

- Катенька, через год – два я всё равно получу чин титулярного советника, - Износков хлебал суп.

- Конечно, получишь, к старости. На этом чине и остановишься!

- Но ведь ты тоже дочь титулярного советника.

- Мой отец был из мещан, без образования. Ты же дворянин с университетским дипломом.

- Хорошо, что ты предлагаешь? – Аркадий отставил в сторону тарелку.

Жена села на стул напротив Износкова:

- Пойми же ты, если карьеру не подтолкнуть, расти, она не будет.

- Что я должен делать?!

- Не знаю, но что-то должен сделать, - встала жена.

На диване заплакал их годовалый сын Митька. Жена взяла ребёнка на руки, стала укачивать.

- Я отпустила служанку на два дня к родителям в деревню, так что сиди с сыном, - Катя вручила ребёнка мужу, а сама направилась в другую комнату.

- Не плач Митька, жизнь прекрасна, - Аркаша поцеловал в щёку сына, и ребёнок заулыбался.

Жена выглянула из комнаты:

- Я в дурном настроении, мне нужно успокоиться, - она захлопнула дверь.

Спустя минуту, из соседней комнаты послышалось шипение граммофонной пластинки, а потом раздался голос певицы Вари Паниной:

- Он был титулярный советник.

Она генеральская дочь.

Он робко в любви объяснился.

Она прогнала его прочь.

Пошёл титулярный советник.

И пьянствовал с горя всю ночь.

И в винном тумане носилась,

Пред ним генеральская дочь.¹⁶

¹⁶ Романс Александра Даргомыжского на слова поэта Петра Вейнберга: «Он был титулярный советник».

6. Аркадий Износков. «Питер – дивная столица. Я осмелюсь доложить. Распотешить мастерица, и карман распотрошить».

Утром едва Износков появился на службе, его вызвал Филиппов.

- Аркадий Дмитриевич, только что позвонил пристав Спасской полицейской части. Он сообщил, что произошло ограбление ювелирного магазина купца Абовича, расположенного на перекрёстке улиц Гороховая и Садовая. Поезжайте туда с агентами, - Владимир Гаврилович вынул из кармана жилетки серебряные часы-луковица,¹⁷ посмотрел время.

- Хорошо, - кивнул Износков, он направился в кабинет Сальникова и Кринёва.

Жалованье у полицейских исправников сыскной части было таким же, как у городских, а служба во много раз беспокойнее, потому мало охотников становиться сыщиками. Когда Филиппов добился у министра внутренних дел увеличения штата, к приставам полицейских частей от градоначальника

¹⁷ Часы-луковица – карманные часы с выпуклым, толстым стеклом, напоминающие по форме луковицу.

чальника генерала Фуллона последовало указание: выделить городских на должности полицейских исправников сыскной части Петербурга. Людей Филиппову отправляли по принципу: «На тебе боже, что нам негоже».

Городовые работать сыскными агентами не хотели, и любыми способами пытались вернуться на прежнее место службы. Но всё же Владимиру Гавриловичу удалось заинтересовать многих молодых полицейских. Спустя полтора года сыскная часть была укомплектована инициативными агентами. Именно такими были Сальников и Кринёв. Они накопили книжек по криминалистике, и с увлечением изучали эту науку. Износков вошёл в их кабинет в тот момент, когда они читали книгу аргентинца Хуана Вучетича «Сравнительная дактилоскопия» в переводе криминалиста Василия Ивановича Лебедева.

- Вы только послушайте Аркадий Дмитриевич! – Сальников забрал из рук Кринёва книгу. Он стал читать вслух: - В природе не существует двух одинаковых отпечатков пальцев.

— Это интересно с научной точки зрения, но вряд ли будет полезно для полиции, - пожал плечами Износков.

- Практическая польза уже есть, - Сальников положил книгу на стол. – В мае этого года в Лондоне за убийство супругов Фэрроу, владельцев магазина красок, были осуждены братья Стрэттоны. Один из них оставил кровавый отпечаток большого пальца на кассе. Это послужило основной уликой обвинения. Между прочим, в Скотланд Ярде уже четыре го-

да существует Бюро дактилоскопии, в котором содержится восемьдесят тысяч карточек с отпечатками пальцев преступников. Нам тоже следует завести такую картотеку.

- Ну что ж, сегодня и начнём, - кивнул Износков. – Одевайтесь, у вас появился шанс на практике проверить ваши знания. Ограблен ювелирный магазин.

На крыльце магазина стоял рослый городской и отгонял зевак, пытавшихся заглянуть в ювелирную лавку.

- А ну осадь назад! – орал полицейский на местный народ, сбежавшийся поглазеть на происшествие.

В магазине находились двое: ограбленный купец Абович и околоточный надзиратель¹⁸.

- Говорил я тебе Евно Зельманович, беспечность твоя не доведёт до добра, - увещевал старика околоточный.

- Ох, верно сказано в Торе: «Не мышь ворует, а дыра», - горестно качал плешивой головой старик Абович. – Вы мне Фёдор Яковлевич замечание делали на мою беспечность, а я нет, чтобы послушать умного человека, всё отмахивался.

- В чём заключалась ваша беспечность? – Износков посмотрел на ювелира.

- Мой магазин открывается в девять часов, а приказчики приходят примерно в полдевятого. Я же в магазине с восьми утра. Расставляю товар по прилавкам.

¹⁸ Околоточный надзиратель – аналог должности участковый уполномоченный в современной полиции России.

- Однажды смотрю, в магазине никого нет, - околоточный надзиратель положил свой портфель на прилавок. – Захожу, а сейф открыт.

- Ваша, правда, господин околоточный надзиратель, - вздохнул старик Абович. – Отлучился в туалет.

- Кто мог знать, что господин ювелир по утрам находится в магазине один? - Сальников положил на стул саквояж.

- Да мало ли кто! – махнул рукой околоточный.

- Сколько было грабителей? – Кринёв снял пальто и кепку, положил их на прилавок.

- Один, - Абович вынул из кармана платок и вытер лысину. Он кивнул на вход в магазин: - Как появился, потребовал открыть сейф. Я отказался, а он достал пистолет и пальнул.

- Куда он стрелял? – Кринёв подошёл к старику.

- Вон в ту стену, - ювелир указал рукой. Он вздохнул: - Я вынул из кармана ключи и отдал ему. Он открыл сейф и уложил товар в саквояж, который принёс с собой.

- Преступник сейф сам открывал? – Сальников открыл саквояж. – Он был в перчатках?

- Пистолетик у него маленький, из такого в перчатках и не выстрелишь, - Абович сунул платок в карман брюк.

- Дверца сейфа светлая, значит, нужна графитовая пудра, - Сальников достал из саквояжа коробочку и кисточку. Он нанёс тёмный порошок на ручку сейфа и дверь, посмотрел в лупу: - Следы хорошие.

Сальников снял на клейкую ленту отпечатки пальцев.

Ленту он поместил между двумя стеклянными пластинами.

- Господин околоточный надзиратель, вы опросите местных дворников. Узнайте, не видел ли кто человека с саквояжем? - Износков сел на стул и открыл папку с бумагами.

- Слушаюсь, - козырнул околоточный и вышел.

Кринёв тем временем осматривал стену.

- Алексей Андреевич одолжи мне пинцет, я нашёл место, куда пуля вошла, - он взял из саквояжа пинцет. - Штукатурка здесь толстая, пуля в ней застряла.

Кринёв выковырял пулю, стал её разглядывать в лупу.

- Если не ошибаюсь, стреляли из пистолета «Браунинг». Недавно довелось мне раздобыть лекции криминалиста Лебедева. Он утверждает, что нарезы в канале ствола оставляют характерные следы на пуле, - Кринёв положил пулю в карман жилетки.

- Дело за маленьким, найти оружие, - кивнул Износков, составляя протокол осмотра места происшествия.

- Если верить профессору Лебедеву, то ударник пистолета оставляет характерные следы на шляпке гильзы, - Кринёв отошёл от стены. Он посмотрел на ювелира: - Где стоял этот разбойник, когда выстрелил из пистолета?

— Вот тут, - указал старик Абович.

— Значит, гильза должна улететь сюда, - кивнул Кринёв и сел на корточки. Он залез под прилавок: - Нашёл! Вот она родимая.

В лавке купца-ювелира провозились до полудня. Потом

поехали обедать в трактир Чернышева на Офицерской улице. Оттуда Кринёв и Сальников отправились в сыскную часть, а Износков к мировому судье. Осмотр места происшествия должен проводиться судебным следователем, если его сделали чины полиции, требовалось получить на это поручение мирового судьи. Простая формальность, но отнимает время.

Возвращался в сыскную часть Износков около четырёх часов дня. Стемнело, фонарщики на улицах стали зажигать газовые фонари. Включались электрические рекламные вывески магазинов. По тротуару прогуливались офицеры под ручку с дамами, проститутки выискивали клиентов, бежали шумные гимназисты. Петербург жил обычной суетливой жизнью. Вспомнились Аркадию «Куплеты Бородавкина» сочинённые поэтом Фёдором Конни:

Питер – дивная столица.
Я осмелюсь доложить,
Распотешить мастерица,
И карман распотрошить.
Здесь что шаг, то удивленьё!
Всюду мрамор и гранит,
И уж точно просвещенье.
Всё на газе обстоит.
Всё так чисто и вальяжно,
Всюду эдакий бетон.
И устроено так важно –

На немецкий всё фасон.

«Действительно, Питер вальяжный город. Преступники здесь кичатся своим воровским искусством. Вытащить кошелёк у простака, пролезть в контору и вскрыть сейф – это по их понятиям искусство, а разбой дело не хитрое. На него идут лишь гопники».

Гопниками – в Петербурге звали жильцов домов Городского общества призрения (ГОП). В этих ночлежках обитали профессиональные нищие, спившиеся ремесленники и прочие люмпен-пролетарии. Среди них было много «торбовщиков» - так звали воров, кравших на рынке мешки и котомки у крестьян. Кто мог быстро бегать, срывали шапки у прохожих. Их нарекли: «капоршики». Гопники могли раздеть пьяного в подворотне. Это называлось: «Гоп-стоп». Но их оружие нож или кастет, а ювелира Абовича преступник ограбил с помощью «Браунинга».

Придя в свой кабинет, Аркадий Износков вызвал Сальникова и Кринёва.

- Купец Абович торгует продукцией ювелира Иоганна Аарне. Его золотые портсигары, кулоны и часы имеют редкие узоры. К тому же на них клеймо золотых дел мастера. Я разошлю по всем полицейским участкам циркулярные письма с описанием похищенных ювелирных изделий. В свою очередь Департамент полиции направит такие циркуляры по всем губерниям. Вам господа, необходимо завтра с утра заняться скупщиками краденого и ломбардами, - Аркадий до-

стал из папки несколько листов бумаги. Он положил их на стол: - Тут описание похищенных ювелирных изделий.

- Понятно, - Сальников взял бумаги со стола Износкова.

- А что решим с «Браунингом»? – Кринёв забрал у друга несколько листов. Он сложил их вчетверо и засунул во внутренний карман пиджака.

- Завтра с утра начну обходить оружейные лавки, - Износков закрыл чернильницу на столе.

Утром Аркадий посетил магазин Тарнопольского на Мясниковской улице. Эта оружейная лавка была рядом с его домом. Когда Износков разговаривал с приказчиком, в торговый зал вышел хозяин. Узнав, что нужно сыщику, он пригласил его в свой кабинет.

- У нас было два «Браунинга» интересующего вас калибра, - Тарнопольский достал из шкафа амбарную книгу. Он открыл её: — Вот тут записаны номера пистолетов. Один купил генерал Толь в подарок своей дочери Марине, жене графа Кутайсова. Другой пистолет до сих пор не продан.

- Антом Витальевич, могу я убедиться, что оружие у вас в наличии, - Износков сделал карандашом пометку в своей тетради.

- Пожалуйста, - кивнул Тарнопольский и позвонил в колокольчик.

Вошёл приказчик.

- Принесите господину полицейскому «Браунинг», - велел хозяин магазина.

Приказчик поклонился и вышел. Спустя минуту он появился в кабинете в сопровождении господина с набриолиненными волосами.

- Голубчик Антон Васильевич, как только узнал, что вы приехали из Сочи, тут же поспешил к вам в магазин, - прилизанный господин подал руку хозяину магазина. Посетитель кивнул на приказчика, застывшего с пистолетом в руках: - Прошу прощение, вы заняты с покупателем, а я лезу к вам со своими разговорами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.